

Научная статья

УДК 343.3/.7

EDN JXDIUW

DOI 10.17150/2500-4255.2024.18(2).170-180

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ МИРА И БЕЗОПАСНОСТИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ГОСУДАРСТВ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

А.И. Коробеев¹, Д.В. Лобач²¹ Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Российская Федерация² Дальневосточный юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, г. Владивосток, Российская Федерация

Информация о статье

Дата поступления

12 февраля 2024 г.

Дата принятия в печать

28 мая 2024 г.

Дата онлайн-размещения

31 мая 2024 г.

Ключевые слова

Преступления против мира и безопасности человечества;
международные преступления;
постсоветские государства;
международное уголовное право

Аннотация. В статье анализируется зарубежный опыт криминализации деяний, посягающих на международный мир и безопасность человечества, в государствах на постсоветском пространстве в фокусе развития международного уголовного права. Отмечается, что возникшие сравнительно молодые государства на постсоветском пространстве восприняли романо-германскую правовую семью и признали примат международного права, что выразилось в инкорпорации международных положений в сфере обеспечения мира и безопасности человечества в свое национальное законодательство. Аргументируется позиция, в соответствии с которой национальное законодательство постсоветских государств в той или иной мере основывается на четырех дополняющих друг друга системах международного уголовного права (гаагская, нюрнбергская, женевская и римская), а уголовно-правовые нормы о международных преступлениях в законодательстве постсоветских государств сформулированы с учетом юридико-технических, историко-культурных и политико-правовых особенностей национальной уголовной политики. Делается вывод о том, что система преступлений против мира и безопасности человечества в постсоветских государствах включает в себя: 1) традиционные международные преступления; 2) международные неокриминальные деяния; 3) преступления международного характера (конвенционные преступления); 4) собственно национальные преступления безотносительно к их международно-правовой регламентации. Кроме того, признание международного мира и безопасности человечества в качестве объектов уголовно-правовой охраны также свидетельствует об изначальном векторе региональной унификации при криминализации общественно опасных деяний на национальном уровне государств Содружества Независимых Государств. Однако в результате признания отдельными государствами (Грузия, Молдавия, Армения) юрисдикции Международного уголовного суда наблюдается отход от тенденции к региональной унификации уголовно-правовой политики на постсоветском пространстве, заложенной еще в 1996 г. в результате принятия рекомендательного законодательного акта для Содружества Независимых Государств — Модельного уголовного кодекса СНГ.

Original article

CRIMES AGAINST PEACE AND SECURITY OF MANKIND IN THE CRIMINAL LEGISLATION OF THE POST-SOVIET STATES

Alexander I. Korobeev¹, Dmitry V. Lobach²¹ Far Eastern Federal University, Vladivostok, the Russian Federation² Far Eastern Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Vladivostok, the Russian Federation

Article info

Received

2024 February 12

Abstract. The authors analyze the foreign experience of criminalizing actions infringing on the international peace and security of mankind in the post-Soviet states from the standpoint of the development of international criminal law. It is noted that the comparatively young states of the post-Soviet space adopted the Roman-Germanic

Accepted

2024 May 28

Available online

2024 May 31

Keywords

Crimes against the peace and security of mankind; international crimes; post-Soviet states; international criminal law

legal family and recognized the dominance of international law, which was manifested in the incorporation of international clauses on ensuring the peace and security of mankind into national legislations. The author argues that the national legislations of post-Soviet countries is, to a greater or a smaller degree, based on four mutually complementary systems of international criminal law (the Hague, Nuremberg, Geneva and Roman ones), while their criminal law norms on international crimes are formulated on the basis of legal-technical, historic-cultural and political-legal specifics of national criminal policy. It is concluded that the system of crimes against the peace and security of mankind in post-Soviet states includes: 1) traditional international crimes; 2) international neo-criminal actions; 3) crime of international character (conventional crimes); 4) national crimes proper, regardless of their international law regulation. Besides, the recognition of international peace and security of mankind as an object criminal law protection also testifies to the primary course for regional unification in the criminalization of publicly dangerous acts at the national level of the member countries of the Commonwealth of Independent States. However, after some countries (Georgia, Moldavia, Armenia) recognized the jurisdiction of the International Criminal Court, they retreated from the trend for regional unification of criminal law policy on the post-Soviet space, whose foundations were laid as far back as 1996 with the adoption of an advisory legislative act for the Commonwealth of Independent States — the Model Criminal Code of the CIS member states.

Учитывая историческое прошлое политико-правового противодействия общественно опасным деяниям, посягающим на всеобщий мир и безопасность человечества, и, как следствие, вызывающим озабоченность у всего международного сообщества, а также отмечая современные реалии, демонстрирующие тенденцию к распространению различных форм организованного политического насилия, которое все больше приобретает транснациональный характер, посягает на суверенитет, территориальную целостность и политическую независимость других государств, а также к массовому или систематическому совершению бесчеловечных деяний против отдельных социальных групп, идентифицируемых по определенному признаку, многие государства пошли по пути международного сотрудничества в сфере обеспечения всеобщего мира и безопасности человечества. Вне зависимости от сложившейся социокультурной традиции, принадлежности к национальной правовой системе, политического курса, экономического развития и идеологической основы общества, государства в современном мире, признавая в той или иной мере свою причастность к международному сообществу [1], берут на себя обязательства в сфере охраны, поддержания и обеспечения международного правового порядка, в котором международный мир и безопасность выступают экзистенциональными отношениями для всего человечества. В свою очередь, принятие государствами на себя обязательств в обозначенной сфере также проявляется в криминализации общественно-опасных

деяний, посягающих на мир и безопасность, на национальном уровне.

Не являются исключением в этом отношении и государства, возникшие на постсоветском пространстве, уголовно-правовая политика которых также направлена на защиту международного мира и безопасности человечества через криминализацию общественно-опасных деяний, которые посягают на эти объекты.

Сравнительно молодые государства, возникшие на постсоветском пространстве, восприняли романо-германскую правовую семью и признали примат международного права, что выразилось в инкорпорации международных положений в сфере обеспечения мира и безопасности человечества в свое национальное законодательство. Кроме того, в ретроспективном контексте эти страны имеют общую историческую память борьбы с фашистской агрессией в составе некогда единого союзного государства, что объясняет схожие законодательные подходы в криминализации деяний, посягающих на международный правопорядок, мир и безопасность всего человечества.

Изучение законодательного опыта противодействия преступлениям против мира и безопасности человечества в государствах, возникших на постсоветском пространстве, с учетом тенденций развития современного международного уголовного права позволяет выявить некоторые особенности правовой регламентации ответственности за подобного рода деяния.

Во-первых, во всех уголовных законах постсоветских государств нормативно закрепляется

задача по обеспечению мира и безопасности человечества. Признание международного мира и безопасности человечества в качестве объектов уголовно-правовой охраны на национальном уровне является общей тенденцией восприятия указанных интересов в качестве всеобщих, универсальных, мультикультурных ценностей, что свидетельствует о стремлении к соблюдению норм *jus cogens* (принципы международного права) [2, с. 31], а также соответствующих положений Устава Организации Объединенных Наций в целях обеспечения международного правового порядка [3, р. 219–222]. Вместе с тем не следует игнорировать и возможное развитие ответственности за международные преступления на национальном уровне в рамках восприятия концепции «*erga omnes*», в соответствии с которой у любого суверенного государства существуют определенные обязательства перед всем международным сообществом, имеющие универсальный характер [4–6]. В рамках данной концепции всеобщий мир и безопасность человечества рассматриваются в качестве так называемых прав третьего поколения, т.е. таких коллективных прав, которые имеют значение для всего человечества. В этой связи международный мир, представляющий собой отношения мирного сосуществования государств и народов, и безопасность человечества, выражаемая в состоянии защищенности целых демографических групп [7, с. 14–16], в современных условиях приобретают повышенное политико-правовое значение для государств, так как посяательства на эти объекты приводят или с большой вероятностью могут привести к нарушению нормального международного взаимодействия и подрвать основы мироустройства [8]. Важно понимать и тот факт, что несмотря на возникшую тенденцию к регионализации [9; 10] и международной поляризации, тем не менее в современных условиях глобализации происходит пересечение взаимосвязанных национальных интересов, возникающих на основании общих и (или) аффилированных потребностей в экономической, научной, социально-культурной, образовательной, гуманитарной и политической сферах. По этой причине совершение, например, акта агрессии приводит не только к нарушению мира между воюющими государствами, но и подрывает международную стабильность в целом, так как негативные последствия вооруженного конфликта могут возникнуть и в отношении других, невоюющих, государств. Напри-

мер, в области экономики — разрыв торговых связей и нарушение контрактных обязательств; в сфере политики — осложнение межгосударственного сотрудничества; в области защиты окружающей среды — деградация природной среды; в гуманитарной сфере — возникновение неконтролируемой миграции и рост преступности.

Кроме того, признание международного мира и безопасности человечества в качестве объектов уголовно-правовой охраны также свидетельствует об изначальном векторе региональной унификации при криминализации общественно опасных деяний на национальном уровне государств СНГ. Это выразилось в принятии 17 февраля 1996 г. в рамках Межпарламентской ассамблеи государств — участников Содружества Независимых Государств (далее — СНГ) Модельного уголовного кодекса для государств — участников СНГ. Документ был принят в целях правового обеспечения интеграционного развития государств СНГ, включая создание условий для правовой конвергенции в сфере уголовно-правовой политики. Модельный уголовный кодекс, будучи своего рода образцом законодательного решения по созданию собственных кодексов государствами — членами СНГ на основе формулирования общих для государств принципов уголовной политики [11, с. 6], отразил свою рекомендуемую систему преступлений против мира и безопасности человечества. Обращает на себя внимание то, что в рассматриваемом Кодексе такие преступления находятся в разд. VI, которым открывается Особенная часть этого документа. По логике Межпарламентской Ассамблеи государств — участников СНГ преступления против мира и безопасности человечества обладают наивысшим характером общественной опасности. Этот вывод подтверждается не только тем, что о таких преступлениях говорится в Особенной части, но также исключением правила о сроках давности относительно таких преступлений в части установления оснований освобождения от уголовной ответственности (ч. 6 ст. 77) и от наказания (ч. 5 ст. 83).

Что касается самой системы рассматриваемой группы преступлений, то в нее вошли: 1) преступления против мира — преступления, совершаемые в форме агрессии (ст. 103 и 104), а также нападение на лиц или учреждения, которые пользуются международной защитой (ст. 110); 2) военные преступления — примене-

ние запрещенных средств и методов ведения войны (ст. 106) и наемничество (ст. 109); 3) преступления против безопасности человечества — незаконный оборот оружия массового поражения (ст. 105), геноцид (ст. 107) и экоцид (ст. 108).

Отметим, что эти, рекомендуемые для государств — участников СНГ, проектные нормы в дальнейшем были отражены в национальных уголовных законах, однако сама система преступлений против мира и безопасности человечества также претерпела последующее расширение за счет криминализации новых общественно-опасных деяний, что свидетельствует о динамике национальной уголовно-правовой политики, связанной с появлением новых угроз для международного правового порядка.

Во-вторых, сравнение уголовно-правовых норм об ответственности за преступления против мира и безопасности человечества позволяет констатировать, что в национальном законодательстве встречаются элементы четырех дополняющих друг друга систем международного уголовного права (гагская, нюрнбергская, женевская и римская). Считается, что исторически первыми правовыми источниками в области борьбы с преступлениями против человечества были гагские международные конвенции о законах и обычаях войны, принятые на мирных конференциях в 1899 и 1907 гг. и составляющие гагскую систему международного уголовного права. После Второй мировой войны в результате проведения двух международных трибуналов над военными преступниками в Германии (Нюрнбергский процесс) и Японии (Токийский процесс) впервые в истории человечества в международной правоприменительной практике были привлечены к уголовной ответственности высшие государственные должностные лица за совершение преступлений в форме агрессии, военных преступлений и преступлений против человечности. В дальнейшем система международных преступлений в рамках межгосударственного сотрудничества была расширена за счет разработки и принятия новых международных договоров, устанавливающих основания для привлечения к уголовной ответственности физических лиц за совершение геноцида (Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него от 1948 г.), апартеида (Международная конвенция о пресечении преступления апартеида и наказании за него от 1973 г.) и экоцида (Конвенция о запрещении военного или любого иного враж-

дебного использования средств воздействия на природную среду от 1976 г.).

Кроме того, составы международных преступлений претерпели некоторые изменения. В частности, несмотря на то, что агрессивная война была криминализована в уставах Нюрнбергского и Токийского трибуналов, само юридическое понятие этого преступления появилось только в резолюции Генеральной Ассамблеи ООН «Определение агрессии», принятой в 1974 г. на 29-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Группа военных преступлений была существенно расширена и конкретизирована за счет принятия ряда международных Женевских конвенций и дополнительных протоколов к ним (12 августа 1949 г. были приняты четыре Женевских конвенции, в 1977 и 2005 гг. эти конвенции были дополнены специальными протоколами). Группа международных преступлений против человечности также эволюционировала в сторону расширения своих криминообразующих признаков, результатом чего стало создание и юридическое закрепление завершенной модели преступлений против человечности в Римском статуте Международного уголовного суда от 1998 г. (далее — Римский статут МУС).

В конце XX в. получила политическое воплощение и юридическое закрепление идея универсальной юрисдикции в отношении наиболее опасных для международного сообщества деяний, криминализованных в Римском статуте МУС. В документе завершенная модель международных преступлений представлена преступлением агрессии, военными преступлениями, геноцидом и преступлениями против человечности.

Вместе с тем в системе современного международного уголовного права только геноцид был криминализован в результате принятия в 1948 г. конвенции, устанавливающей международное обязательство по предупреждению и наказанию за его совершение. Политико-правовой запрет бесчеловечных деяний, совершаемых в вооруженных конфликтах, был установлен еще в 1899 и 1907 гг., когда были приняты международные конвенции о законах и обычаях войны. В 1949 г. в результате принятия четырех Женевских конвенций правила ведения войны были существенно расширены, однако признание самих бесчеловечных деяний в качестве собственно военных преступлений произошло в дальнейшем в два этапа. Сначала в 1968 г. была принята Конвенция о непримени-

мости срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечества. В этой Конвенции группа военных преступлений включает криминальные деяния, как они определены в Уставе Международного нюрнбергского военного трибунала от 8 августа 1945 г., а также охватывает «серьезные нарушения», перечисленные в Женевских конвенциях о защите жертв войны от 12 августа 1949 г. Дальнейшая международная криминализация таких деяний произошла в 1977 г., когда был принят Дополнительный протокол I к Женевским конвенциям от 1949 г. В ч. 5 ст. 85 этого документа закреплено, что серьезные нарушения Женевских конвенций и настоящего Протокола рассматриваются как военные преступления.

Деяния, составляющие преступления агрессии и преступления против человечности, на конвенционном уровне все еще не криминализованы.

Что касается бесчеловечных деяний, составляющих группу преступлений против человечности, то следует сделать оговорку о том, что изначально правовой запрет в отношении таких деяний возник в результате обычно-правового регулирования [12, р. 7, 271–272; 13, р. 82–85]. В дальнейшем они были промежуточно криминализированы в результате принятия в 1968 г. Конвенции о неприменимости срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечества. Промежуточный характер международной криминализации означает, что такие деяния были опосредованно признаны преступными в конвенциональном формате через закрепление обязанности по выдаче лиц, ответственных за их совершение, а также неприменение сроков давности судебного преследования и наказания. Однако эта конвенция не установила прямой обязанности по криминализации таких деяний на национальном уровне, поэтому прослеживается альтернативный характер возможных правовых последствий: если такие деяния не были криминализованы, то государство все равно должно обеспечить выдачу лиц, которые их совершили; если такие деяния были криминализованы, то не может быть применено правило о сроках давности. Несмотря на то, что политико-правовой запрет в отношении бесчеловечных деяний, составляющих группу преступлений против человечности, сформировался в результате дальнейшего развития международного уголовного права, единого конвенционного механизма уго-

ловно-правового противодействия выработано не было. Об отсутствии окончательной международной криминализации рассматриваемых деяний также свидетельствует привлекающая все больший интерес и внимание мирового сообщества инициатива по принятию конвенции о предупреждении и наказании преступлений против человечности [14].

Это обстоятельство свидетельствует о сложности международно-правового механизма противодействия таким преступлениям, что, однако, не исключает правового запрета на совершение таких действий в рамках обычно-правового регулирования отношений, составляющих международный мир и безопасность. Именно такая позиция в части обоснования легитимности работы самого военного трибунала над главными военными преступниками нацистской Германии и правомерности распространения его юрисдикции на преступления против человечества (преступления против мира, военные преступления и преступления против человечности) была представлена на Нюрнбергском процессе [15, с. 85–89].

Следует отметить и параллельное развитие доктринальных положений о политико-правовой сущности международных преступлений в странах англосаксонской правовой семьи, приведшее к расширению концептуальной парадигмы международной уголовной ответственности за эти преступления в свете усложнения международных отношений и развития международной уголовной юстиции [16–20].

В-третьих, группа преступлений против мира и безопасности человечества в уголовных законах постсоветских государств охватывает такие традиционные международные преступления как агрессия, военные преступления и геноцид. Однако сами уголовно-правовые нормы о международных преступлениях сформулированы с учетом историко-культурных и политико-правовых особенностей национальной уголовной политики. Например, во многих уголовных законах постсоветских государств нормы, устанавливающие уголовную ответственность за планирование, подготовку, развязывание и ведение агрессивной войны (ст. 160 УК Казахстана, ст. 384 УК Армении, ст. 151 УК Узбекистана, ст. 122 УК Белоруссии, ст. 353 УК России, ст. 100 УК Азербайджана, ст. 404 УК Грузии, ст. 395 УК Таджикистана, ст. 139 УК Молдавии, ст. 72 УК Латвии), текстуально повторяют соответствующие положения уставов Нюрнбергско-

го и Токийского трибуналов. Однако национальный законодатель большинства постсоветских государств (кроме Латвии, Узбекистана и Украины) отказался от криминализации заговора для осуществления агрессивной войны.

Следует также отметить и тот факт, что во всех уголовных законах постсоветских государств (кроме Грузии и Эстонии) криминализация общественно-опасных деяний, совершаемых в форме агрессии, была проведена без закрепления нормативного определения этого деяния. Известно, что легальное определение этого понятия появилось только в 1974 г. в результате принятия Генеральной Ассамблеей ООН резолюции № 3314 «Определение агрессии». Вместе с тем это обстоятельство не решило ситуацию неопределенности уголовно-правовых норм об агрессии, так как резолюция является информационно-разъяснительным документом международной организации, которым руководствуется Совет Безопасности ООН для установления факта агрессии в практике международных отношений. В то же время, будучи инструментом «мягкого права», непосредственно международных обязательств для государств эта резолюция не порождает [21, с. 116; 22, с. 93–94], и, как следствие, — не представляется возможным говорить о бланкетном характере национальных норм об агрессии по отношению к этому документу.

Подобная ситуация является явным юридическим дефектом конструирования уголовно-правовых норм об агрессии, поскольку создает широкий простор для правоприменительного усмотрения при толковании этих норм и порождает риск злоупотребления властными полномочиями в нарушение принципа законности. Исключением является только успешный законодательный опыт установления уголовной ответственности за агрессию в Грузии, так как в самой уголовно-правовой норме (ч. 2 примечания к ст. 404 УК Грузии) дается легальное определение акта агрессии, которое повторяет дефиницию агрессии, содержащейся в вышеуказанной резолюции Генеральной Ассамблеи ООН.

Даже если допустить распространение действия вышеуказанной резолюции для целей понимания смысла соответствующих уголовно-правовых норм, признавая тем самым вопрос о юридической определенности агрессии решенным, все еще остаются разные проблемные моменты, затрудняющие оптимальную квалификацию. К таким проблемам относят от-

сутствие унифицированной дефиниции понятия «государство» в составе преступления агрессии; множество подходов к определению государственного суверенитета как объекта преступного посяательства; сложности определения параметров правомерного применения вооруженной силы в условиях реализации государством своего права на самооборону; проблему правомерного применения вооруженной силы в условиях гуманитарной интервенции; отсутствие в практике международных отношений и в самом международном праве универсальных критериев, позволяющих определить достаточную степень нарушения международного мира для квалификации деяния в качестве преступления агрессии; расширенное понимание вооруженной силы в качестве акта агрессии; смежный характер некоторых форм агрессии с правомерными действиями, связанными с обеспечением национальной безопасности [23].

Нормы, устанавливающие ответственность за геноцид, в уголовных законах постсоветских государств в большинстве случаев соответствуют положениям Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него от 1948 г. Однако встречаются и более расширенные составы этого преступления. Показательным в этом плане примером является национальный опыт криминализации геноцида в Белоруссии и Грузии. В уголовно-правовых нормах о геноциде (ст. 127 УК Белоруссии и ст. 407 УК Грузии) помимо национальной, этнической, расовой и религиозной групп также делается указание на иные человеческие группы, идентифицируемые на основе любого другого произвольного критерия. Расширение состава этого преступления ни в коем случае не нарушает международных обязанностей государств по запрещению и предупреждению геноцида, напротив, это свидетельствует о стремлении национального законодателя усилить борьбу с бесчеловечными деяниями, направленными на полное или частичное уничтожение человеческих общностей, не вошедших в конвенционное определение геноцида.

Если уголовно-правовые нормы об агрессии и геноциде в национальном уголовном законодательстве постсоветских государств текстуально повторяют соответствующие положения специальных документов международного уголовного права, то совершенно по-другому обстоит дело с военными преступлениями. Криминализация общественно-опасных деяний, со-

вершаемых в условиях вооруженного конфликта, в качестве военных преступлений охватывает широкий диапазон уголовно-наказуемых актов, что обуславливает разные законодательные подходы в правовой регламентации ответственности за их совершение. Например, правовые нормы о военных преступлениях в уголовных законах Латвии (ст. 74 УК Латвии), Украины (ст. 438 УК Украины), России (ст. 356 УК РФ) и Узбекистана (ст. 152 УК Узбекистана) являются бланкетными. Для раскрытия их правового содержания правоприменитель должен обратиться к соответствующим источникам международного гуманитарного права. Напротив, в уголовных законах Белоруссии, Таджикистана, Армении, Грузии, Молдавии, Казахстана, Азербайджана, Эстонии и Литвы ответственность за военные преступления предусмотрена в ряде правовых норм с максимальной конкретизацией всех тех бесчеловечных деяний, которые составляют военные преступления, как обособленную группу международных преступлений.

Кроме того, отсутствует унифицированный подход в уголовно-правовой регламентации ответственности за преступления против человечности. Преступления против человечности являются четвертой группой международных преступлений и представляют собой бесчеловечные деяния, которые совершаются в рамках широкомасштабного или систематического нападения на любых гражданских лиц безотносительно их принадлежности к определенной демографической общности.

В современной системе международного уголовного права бесчеловечные деяния, составляющие группу преступлений против человечности, не криминализованы на конвенционном уровне, что означает отсутствие международного обязательства по их криминализации в национальном законодательстве. Однако отсутствие международной конвенции в определенной мере компенсируется Римским статутом МУС, в котором преступления против человечности представлены как отдельная группа международных преступлений.

Применительно к постсоветским государствам наблюдается три подхода в криминализации бесчеловечных деяний, составляющих группу преступлений против человечности. Первый подход заключается в отсутствии в национальном уголовном законодательстве специальной нормы о преступлениях против человечности, так как деяния, составляющие объективную

сторону таких преступлений, частично охватываются нормой о геноциде (например, ст. 442 УК Украины, ст. 357 УК РФ). Второй подход выражается в криминализации бесчеловечных деяний в качестве преступлений против человечности при отсутствии необходимого для этого международно-правового основания. Например, такие страны, как Белоруссия, Киргизия и Азербайджан криминализировали подобного рода деяния в своем национальном законодательстве, но сделали это по-разному. Уголовно-правовая норма ст. 128 УК Белоруссии устанавливает ответственность за преступления против безопасности человечества. Объективная сторона этого преступления содержит восемь бесчеловечных деяний, посягающих на жизнь, здоровье и свободу других лиц и связанных с дискриминационными мотивами. Диспозиция уголовно-правовой нормы ст. 403 УК Киргизии содержит пятнадцать бесчеловечных деяний, составляющих объективную сторону преступлений против человечности, что позволяет говорить о максимальном приближении к статутной модели этого международного преступления при том, что Киргизия не является участницей Римского статута МУС. Напротив, законодатель Азербайджана пошел по пути дифференцированной криминализации бесчеловечных деяний, составляющих группу преступлений против человечности, что выразилось во включении в шестнадцатую главу УК Азербайджана девяти статей (ст. 105–113), нормы которых устанавливают ответственность за бесчеловечные деяния, посягающие на жизнь, здоровье, физическую и половую свободу, а также личную неприкосновенность. Третий подход свидетельствует о криминализации бесчеловечных деяний в качестве преступлений против человечности на основании и в результате признания юрисдикции МУС. К таким странам можно отнести Грузию, Литву, Латвию и Молдавию. В уголовном законодательстве этих государств содержатся нормы, которые практически дословно отражают содержание нормативного положения ст. 7 Римского статута МУС, закрепляющего деяния, составляющие объективную сторону преступлений против человечности.

Отдельно следует отметить законодательный опыт криминализации бесчеловечных деяний в качестве преступлений против человечности в Армении. Дело в том, что армянский законодатель ранее уже предусмотрел в национальном УК норму о преступлениях против без-

опасности человечества (ст. 392 УК Армении). В сравнении со ст. 7 Римского статута МУС диспозиция этой нормы частично отражает деяния, составляющие объективную сторону преступлений против человечности, однако контекстуальный элемент выражается в дискриминационном мотиве — преступление совершается по признакам расовой, национальной, этнической принадлежности, политических взглядов и вероисповедания гражданского населения. Вместе с тем, учитывая недавнюю ратификацию Арменией Римского статута МУС, следует ожидать приведения содержания этой нормы в полное соответствие с нормативным положением ст. 7 Римского статута МУС.

В-четвертых, как уже было сказано выше, отдельные государства на постсоветском пространстве (Грузия, Молдавия, Таджикистан и прибалтийские государства) уже интегрированы в систему международной уголовной юстиции, что связано с признанием ими юрисдикции МУС. Обращает на себя внимание тот факт, что криминализация этих деяний в рамках статутной модели связана с действием принципа *aut dedere aut judicare*, в соответствии с которым государство, признающее юрисдикцию МУС, должно либо само осуществить правосудие в отношении лица, совершившего международное преступление, либо выдать его в МУС для привлечения к международной уголовной ответственности. Таким образом, государства — участники МУС должны синхронизировать свое национальное законодательство через криминализацию деяний, составляющих группу международных преступлений, а также привести нормы о таких преступлениях в соответствие с нормативными положениями Римского статута МУС. Вместе с тем наблюдается довольно противоречивая уголовно-правовая политика таких государств в части приведения своего законодательства в соответствие с положениями Римского статута МУС. Например, молдавский законодатель криминализировал не агрессию (агрессивную войну), а саму войну, установив тем самым уголовно-правовой запрет в отношении не только агрессии, но и так называемых справедливых войн (в частности, освободительные войны против колониального господства). Таджикистан, который подписал Римский статут МУС еще в 1998 г., до сих пор (фактически прошло уже более 25 лет) не адаптировал нормы о международных преступлениях. Норма об агрессии (ст. 395 УК Таджикистана)

сформулирована на основании нюрнбергской модели, при этом не дается легального определения агрессивной войны. Норма о геноциде содержит признаки объективной стороны преступления, которые не в полной мере соответствуют положениям ст. 6 Римского статута МУС. В частности, в диспозиции нормы ст. 398 УК Таджикистана указывается на насильственное воспрепятствование деторождению, в то время как в статутной модели геноцида не определен насильственный характер таких действий. Напротив, в статутной модели закреплён насильственный характер передачи детей из одной человеческой группы в другую, а в национальной норме этот признак уже не указывается. Закрепляя широкий перечень бесчеловечных деяний, совершаемых в условиях вооруженного конфликта (группа военных преступлений охватывает более 20 общественно-опасных деяний), таджикский законодатель не устанавливает уголовно-правового запрета в отношении бесчеловечных деяний, составляющих преступления против человечности.

В-пятых, помимо традиционных международных преступлений (агрессия, геноцид, военные преступления и преступления против человечности) к преступлениям против мира и безопасности человечества в национальных уголовных законах государств на постсоветском пространстве также относятся и другие криминальные деяния, что позволяет говорить о расширенном концептуально-правовом подходе в обеспечении всеобщего (международного) мира и безопасности всего человечества. В сущности, уголовно-правовые нормы о криминальных деяниях, которые в рамках соответствующей национальной уголовно-правовой политики воспринимаются как деяния, посягающие на мир и безопасность человечества, основываются либо на специальных международных нормах о неокриминальных деяниях¹, либо на нормативных положениях международного уголовного права о преступлениях международного характера, либо приобретают самостоятельное правовое значение в силу политического фактора.

¹ Международные неокриминальные деяния — это деяния, которые негативно воздействуют на отношения мирного существования государств и народов, но которые не криминализированы в международном праве, а противоправность этих деяний выражается в их политико-правовом запрещении и осуждении в соответствующих международных актах.

В первом случае к таким преступлением можно отнести пропаганду агрессивной войны (деяние криминализировано в абсолютном большинстве постсоветских государств), незаконный оборот оружия массового поражения (ст. 386 УК Армении, ст. 129 УК Белоруссии, ст. 406 УК Грузии, ст. 140.1 УК Молдавии, ст. 397 УК Таджикистана, ст. 440 УК Украины, ст. 162 УК Казахстана, ст. 355 УК России, ст. 168 УК Туркменистана), клонирование человека (ст. 144 УК Молдавии), международный терроризм (ст. 361 УК России, ст. 389 УК Армении, ст. 126 УК Белоруссии), уничтожение культурного и национального наследия (ст. 79 УК Латвии).

Во втором случае к категории преступлений против мира и безопасности человечества национальный законодатель отнес такие преступления международного характера, как конвенционные преступления террористического характера (ст. 155–155.3 УК Узбекистана), пиратство (ст. 446 УК Украины), нападение на лиц или учреждения, которые пользуются международной защитой и наемничество (преступления криминализированы во всех постсоветских государствах).

Наконец, нельзя не отметить и те деяния, которые в связи с особенностями национальных интересов и политической конъюнктуры были криминализированы в качестве преступлений против мира и безопасности человечества. С международно-правовой точки зрения такие деяния являются в «чистом» виде национальными преступлениями в том смысле, что в международном публичном праве отсутствуют нормы, предусматривающие обязанность государства принять необходимые политико-правовые, включая уголовно-правовые, меры борьбы с ними. К таким преступлениям можно отнести, например, создание баз (лагерей) подготовки наемников (ст. 171 УК Казахстана), участие в иностранных вооруженных конфликтах (ст. 172 УК Казахстана, ст. 178 УК Туркменистана, ст. 401.1 УК Таджикистана), реабилитацию нацизма (ст. 354.1 УК России), биоцид (ст. 399 УК Таджикистана), изготовление, распространение

коммунистической, нацистской символики и пропаганду коммунистического и национал-социалистического (нацистского) тоталитарных режимов (ст. 436.1 УК Украины), неприменение международных санкций (ст. 93.1 УК Эстонии), оправдание геноцида, преступлений против человечности, преступлений против мира и военных преступлений (ст. 74.1 УК Латвии).

Обзорный анализ уголовно-правовых норм, регламентирующих ответственность за совершение деяний, посягающих на социальные отношения, соотносящие международный мир и безопасность человечества, в постсоветских государствах демонстрирует стремление национального законодателя к расширению системы преступлений против мира и безопасности человечества, что свидетельствует об усилении регулятивно-охранительного действия уголовных законов этих государств в целях повышения эффективности защиты национальных интересов и международного правопорядка (его отдельных элементов) с учетом новых (или нарождающихся) угроз.

На сегодняшний день система преступлений против мира и безопасности человечества в постсоветских государствах включает в себя: 1) традиционные международные преступления (преступление агрессии, геноцид, военные преступления, а также иногда преступления против человечности); 2) международные неокриминальные деяния; 3) преступления международного характера (конвенционные преступления); 4) собственно национальные преступления безотносительно к их международно-правовой регламентации.

Кроме того, в результате признания отдельными государствами (Грузия, Молдавия, Армения) юрисдикции Международного уголовного суда наблюдается отход от тенденции к региональной унификации уголовно-правовой политики на постсоветском пространстве, заложенной еще в 1996 г. в результате принятия рекомендательного законодательного акта для Содружества Независимых Государств — Модельного уголовного кодекса СНГ.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Thin S. Community Interest and the International Public Legal Order / S. Thin // *Netherlands International Law Review*. — 2021. — Vol. 68, iss. 1. — P. 35–59.
2. Трикоз Е.Н. Преступления против мира и безопасности человечества: сравнительный и международно-правовой аспекты / Е.Н. Трикоз. — Москва : Юрлитинформ, 2007. — 504 с. — EDN QXNMFV.
3. Weatherall T. *Jus Cogens: International Law and Social Contract* / T. Weatherall. — Cambridge University Press, 2015. — 554 p.

4. Липкина Н.Н. К вопросу об erga omnes эффекте правовых позиций Европейского суда по правам человека / Н.Н. Липкина // Вестник Саратовской государственной юридической академии. — 2015. — № 1 (102). — С. 240–245.
5. Сазонов К.Л. К вопросу о соотношении международных преступлений государств, норм jus cogens и обязательств erga omnes в современном международном праве / К.Л. Сазонов // Право и политика. — 2013. — № 9 (165). — С. 1175–1181.
6. Gaja G. Obligations Erga Omnes, International Crimes and Jus Cogens: a Tentative Analysis of Three Related Concepts / G. Gaja // International Crimes of State: A Critical Analysis of the ILC's Draft Article 19 on State Responsibility / ed. by J. Weiler, A. Cassese, M. Spinedi. — Walter de Gruyter : European University Institute — Series A, 10, 1989. — 465 p.
7. Лобач Д.В. Международный правопорядок как объект уголовно-правовой охраны в международном праве / Д.В. Лобач // Международное уголовное право и международная юстиция. — 2014. — № 1. — С. 14–16.
8. Soltani R. The Evolution of the Concept of International Peace and Security in light of UN Security Council Practice (End of the Cold War-Until Now) / R. Soltani, M. Moradi // Open Journal of Political Science. — 2017. — Vol. 07 (01). — P. 133–144.
9. Кибальник А.Г. Регионализация международного уголовного права / А.Г. Кибальник. — EDN TWJSTH // Российский криминологический взгляд. — 2011. — № 2. — С. 208–212.
10. Рыжов В.Б. Диалектика глобализации и регионализации в правовом пространстве государств и международных организаций / В.Б. Рыжов. — DOI 10.7256/2454-0633.2020.1.30979. — EDN IHGUZK // Международное право и международные организации. — 2020. — № 1. — С. 29–44.
11. Наумов А.В. Теоретическое обоснование внесения изменений и дополнений в Модельный уголовный кодекс для государств – участников Содружества Независимых государств / А.В. Наумов. — EDN VVINSX // Человек: преступление и наказание. — 2016. — № 1(92). — С. 6–14.
12. Lepard B.D. Customary International Law. A New Theory with Practical Applications / B.D. Lepard. — Cambridge University Press, 2010. — 419 p.
13. Marchuk I. The Fundamental Concept of Crime in International Criminal Law. A Comparative Law Analysis / I. Marchuk. — Springer, 2014. — 313 p.
14. Сафаров Н.А. Предупреждение и наказание преступлений против человечности: проблемы разработки международной Конвенции (обзор работы Комиссии международного права ООН) / Н.А. Сафаров, Ф.Н. Сафаров. — EDN ZDLWAD // Правоведение. — 2016. — № 6 (329). — С. 94–133.
15. Полторак А.И. Нюрнбергский процесс: Основные правовые проблемы / А.И. Полторак. — Москва : Наука, 1966. — 351 с.
16. An Introduction to International Criminal Law and Procedure / R. Cryer, H. Friman, D. Robinson, E. Wilmshurst. — Cambridge, 2010. — 686 p.
17. International Crimes, Peace and Human Right: the Role of the International Criminal Court / ed. by D. Shelton. — New York : Transnational Publishers, 2000. — 356 p.
18. Найер А. Военные преступления. Геноцид. Террор. Борьба за правосудие / А. Найер. — Москва : Юристъ, 2000. — 368 с.
19. International Criminal Law / ed. by M.Ch. Bassiouni. — New York : Transnational Pub Inc, 1999. — 800 p.
20. Sands Ph. From Nuremberg to the Hague: the Future of International Criminal Justice / Ph. Sands. — Cambridge, 2003. — 192 p.
21. Демин А.В. «Мягкое право» в эпоху перемен: опыт компаративистского исследования : монография / А.В. Демин. — Москва : Проспект, 2023. — 240 с.
22. Лобач Д.В. Преступления против мира: уголовно-правовое исследование : монография / Д.В. Лобач. — Уссурийск : Изд-во Дальневост. федер. ун-та, 2013. — 208 с.
23. Лобач Д.В. Проблемные аспекты правовой регламентации ответственности за преступление агрессии / Д.В. Лобач. — EDN GKPLHQ // Журнал Белорусского государственного университета. Право. — 2021. — № 3. — С. 38–44.

REFERENCES

1. Thin S. Community Interest and the International Public Legal Order. *Netherlands International Law Review*, 2021, vol. 68, iss. 1, pp. 35–59.
2. Trikoz E.N. *Crimes against Peace and Security of Mankind: Comparative and International Law Aspects*. Moscow, Yurlitinform Publ., 2007. 504 p. EDN: QXHMFV.
3. Weatherall T. *Jus Cogens: International Law and Social Contract*. Cambridge University Press, 2015. 554 p.
4. Lipkina N.N. The Problem of Erga Omnes Effect of the European Court of Human Rights' Legal Positions. *Vestnik Saratovskoi gosudarstvennoi yuridicheskoi akademii = Bulletin of Saratov State Law Academy*, 2015, no. 1, pp. 240–245. (In Russian).
5. Sazonov K.L. To the Correlation of International Crimes of States, Norms Jus Cogens and Obligations Erga Omnes in Contemporary International Law. *Pravo i politika = Law and Politics*, 2013, no. 9, pp. 1175–1181. (In Russian).
6. Gaja G. Obligations Erga Omnes, International Crimes and Jus Cogens: a Tentative Analysis of Three Related Concepts. In Weiler J., Cassese A., Spinedi M. (eds.). *International Crimes of State: A Critical Analysis of the ILC's Draft Article 19 on State Responsibility*. Walter de Gruyter, European University Institute — Series A, 10, 1989. 465 p.
7. Lobach D.V. International Legal Order as an Object of Criminal Law Protection in International Law. *Mezhdunarodnoe ugovnoe pravo i mezhdunarodnaya yustitsiya = International Criminal Law and International Justice*, 2014, no. 1, pp. 14–16. (In Russian).
8. Soltani R., Moradi M. The Evolution of the Concept of International Peace and Security in light of UN Security Council Practice (End of the Cold War-Until Now). *Open Journal of Political Science*, 2017, vol. 07, pp. 133–144.
9. Kibalnik A.G. Regionalization of International Criminal Law. *Rossiiskii kriminologicheskii vzglyad = Russian Criminological Outlook*, 2011, no. 2, pp. 208–212. (In Russian). EDN: TWJSTH.

10. Ryzhov V.B. Dialectics of Globalization and Regionalization in Legal Space of the State and International Organizations. *Mezhdunarodnoe pravo i mezhdunarodnye organizatsii = International Law and International Organizations*, 2020, no. 1, pp. 29–44. (In Russian). EDN: IHGUZK. DOI: 10.7256/2454-0633.2020.1.30979.
11. Naumov A.V. The Theoretical Justification of Amendments and Additions to the Model Criminal Code for States — Members of CIS. *Chelovek: prestuplenie i nakazanie = Human: Crime and Punishment*, 2016, no. 1, pp. 6–14. (In Russian). EDN: VVINSX.
12. Lepard B.D. *Customary International Law. A New Theory with Practical Applications*. Cambridge University Press, 2010. 419 p.
13. Marchuk I. *The Fundamental Concept of Crime in International Criminal Law. A Comparative Law Analysis*. Springer, 2014. 313 p.
14. Safarov N.A., Safarov F.N. Prevention and Punishment for Crimes against Humanity: Problems of Drafting a New International Convention (Review Of the Work of the UN International Law Commission). *Pravovedenie = Jurisprudence*, 2016, no. 6, pp. 94–133. (In Russian). EDN: ZDLWAD.
15. Poltorak A.I. *The Nuremberg Process: Key Legal Problems*. Moscow, Nauka Publ., 1966. 351 p.
16. Cryer R., Friman H., Robinson D., Wilmshurst E. *An Introduction to International Criminal Law and Procedure*. Cambridge, 2010. 686 p.
17. Shelton D. (ed.). *International Crimes, Peace and Human Right: the Role of the International Criminal Court*. New York, Transnational Publishers, 2000. 356 p.
18. Neier A. *War Crimes: Brutality, Genocide, Terror, and the Struggle for Justice*. New York, Times Books, 1998. 318 p. (Russ. ed.: Neier A. *War Crimes: Brutality, Genocide, Terror, and the Struggle for Justice*. Moscow, Yurist Publ., 2000. 368 p.).
19. Bassiouni M.Ch. (ed.). *International Criminal Law*. New York, Transnational Pub Inc, 1999. 800 p.
20. Sands Ph. *From Nuremberg to the Hague: the Future of International Criminal Justice*. Cambridge, 2003. 192 p.
21. Demin A.V. *“Soft Law” in the Time of Changes: an Experience of a Comparative Study*. Moscow, Prospekt Publ., 2023. 240 p.
22. Lobach D.V. *Crimes against Peace: a Criminal Law Study*. Ussuriisk, Far Eastern Federal University Publ., 2013. 208 p.
23. Lobach D.V. Problem Aspects of Legal Regulation of Responsibility for the Crime of Aggression. *Zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Zhurnalistika. Pravo = Journal of the Belarusian State University. Law*, 2021, no. 3, pp. 38–44. (In Russian). EDN: GKPLHQ.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Коробеев Александр Иванович — заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Дальневосточного федерального университета, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, г. Владивосток, Российская Федерация; e-mail: akorobeev@rambler.ru.

Лобач Дмитрий Владимирович — доцент кафедры теории и истории государства и права Дальневосточного юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, г. Владивосток, Российская Федерация; dimaved85@mail.ru.

ВКЛАД АВТОРОВ

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Коробеев А.И. Преступления против мира и безопасности человечества в уголовном законодательстве государств на постсоветском пространстве / А.И. Коробеев, Д.В. Лобач. — DOI 10.17150/2500-4255.2024.18(2).170-180. — EDN JXDIUW // Всероссийский криминологический журнал. — 2024. — Т. 18, № 2. — С. 170–180.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Korobeev, Alexander I. — Head, Department of Criminal Law and Criminology, Far Eastern Federal University, Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Vladivostok, the Russian Federation; e-mail: akorobeev@rambler.ru.

Lobach, Dmitry V. — Ass. Professor, Department of Theory and History of State and Law, Far Eastern Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Ph.D. in Law, Vladivostok, the Russian Federation; e-mail: dimaved85@mail.ru.

CONTRIBUTION OF THE AUTHORS

The authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

FOR CITATION

Korobeev A.I., Lobach D.V. Crimes Against Peace and Security of Mankind in the Criminal Legislation of the Post-Soviet States. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2024, vol. 18, no. 2, pp. 170–180. (In Russian). EDN: JXDIUW . DOI: 10.17150/2500-4255.2024.18(2).170-180.